

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЭЛЬВИРА ДМИТРИЕВА ПРОТИВ РОССИИ»

(жалобы №№ 60921/17 и 7202/18)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

30 апреля 2019 года

Настоящее постановление вступит в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Эльвира Дмитриева против России»,
Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая
Палатой в составе:

Винсент Э. Де Гаетано, *Председатель*,
Бранко Лубарда,
Хелен Келлер,
Дмитрий Дедов,
Пере Пастор Виланова,
Алина Полачкова,
Георгиос А. Сергидес, *судьи*,
и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,
проведя 2 апреля 2019 года заседание за закрытыми дверями,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по двум жалобам (№№ 60921/17 и 7202/18), поданным в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданкой России, Эльвирой Рашитовной Дмитриевой (далее — «заявитель»), 16 августа 2017 года и 22 января 2018 года, соответственно.

2. Заявитель была представлена И. Хруновой, адвокатом, практикующим в Казани, и К. Тереховым, адвокатом, практикующим в Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял М. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель жаловалась, в частности, на нарушение ее права на свободу выражения мнения и собраний, а также отсутствие эффективных средств правовой защиты в этом отношении. Она также жаловалась на незаконное задержание и отсутствие обвинительной стороны в ходе разбирательства об административном правонарушении в ее отношении.

4. 24 октября 2017 года и 23 февраля 2018 года Власти были уведомлены о вышеуказанных жалобах, остальные жалобы были объявлены неприемлемыми в соответствии с пунктом 3 Правила 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявительница, 1979 года рождения, проживает в г. Казани.

A. Общие сведения

6. 2 марта 2017 года Алексей Навальный опубликовал на портале YouTube документальный фильм под названием «Он вам не Димон¹», обвинив премьер-министра Медведева в коррупции. Он призвал его сторонников выйти на акцию протеста 26 марта 2017 года.

7. Сторонники Навального во многих городах уведомили местные власти о намерении провести 26 марта 2017 года публичные собрания против коррупции. В большинстве случаев местные власти отказали в разрешении на проведение собраний.

8. Несмотря на это, согласно сообщениям прессы, 26 марта 2017 года от 32000 до 93000 человек в девяти семи городах приняли участие в анти-коррупционных протестах. От 1666 до 1805 человек были задержаны и им были предъявлены обвинения в административных правонарушениях.

Б. Уведомление заявителя о публичном мероприятии в Казани

9. В ответ на призыв Навального принять участие в протестах против коррупции, 14 марта 2017 года заявитель уведомила городскую администрацию Казани о ее намерении провести митинг 26 марта 2017 года с 11:00 до 16:00, в котором, как ожидалось, примут участие 150 человек. Она предложила городской администрации выбрать из трех альтернативных мест, включая специально отведенное место для проведения публичных мероприятий - в парке «Крылья Советов». Целью этого мероприятия являлось выражение протеста против коррупции и требование отставки Медведева.

10. 16 марта 2017 года городская администрация Казани отказала в выдаче разрешения на собрание, заявив, что в местах, выбранных заявителем, в то же время было запланировано проведение других (неуказанных) публичных мероприятий.

11. Заявитель оспорила данный отказ в Вахитовском районном суде Казани.

12. 17 марта 2017 года заявитель и Б. уведомили городскую администрацию Казани об их намерении провести 26 марта 2017 года с

1. «Димон» - прозвище, которое дано Г-ну Медведеву в социальных сетях. Оно является уменьшительным от его имени - Дмитрий.

11:00 до 16:00 пикетирование против коррупции. Она предложила городской администрации четыре альтернативных места на выбор.

13. 21 марта 2017 года городская администрация Казани отказалась разрешить пикетирование, заявив, что в местах, выбранных заявителем, в то же время было запланировано проведение других (неуказанных) публичных мероприятий. Администрация предложила другое место для «пикетирования». 22 марта 2017 года заявитель согласилась провести пикетирование в месте, предложенном городской администрацией.

14. 23 марта 2017 года заявитель опубликовала сообщение в социальной сети «ВКонтакте» с критикой городской администрации за решение не разрешать проведение мероприятия. Она утверждала, в частности, что решение от 16 марта 2017 года было незаконным, так как городская администрация не предложила альтернативных мест для проведения мероприятия. Она также заявила, что городская администрация не могла отказать в проведении собрания в парке «Крылья Советов», так как это место специально предназначалось для проведения публичных мероприятий. Если другое мероприятие было запланировано в этом месте, городская администрация должна была предложить другое время для проведения собрания. В любом случае, парк «Крылья Советов» был очень большим и там было достаточно места для одновременного проведения нескольких мероприятий. Она также сообщила, что решение от 16 марта 2017 года было оспорено в суде и что судебное разбирательство еще продолжается. Она утверждала, что люди имели право проводить мирные собрания и что в связи с этим было решено провести мероприятие против коррупции в парке «Крылья Советов» 26 марта 2017 года в 14:00. Сообщение заканчивалось так:

«Пригласите ваших друзей присоединиться к группе. Мы требуем дать ответы на улицах Казани! Место сбора - возле главного входа в парк «Крылья Советов» на улице Копылова, станция метро Авиастроительная».

15. 24 марта 2017 года Вахитовский районный суд частично удовлетворил претензию заявителя против решения от 16 марта 2017 года. Он признал, что региональное подразделение партии «Единая Россия» ранее уведомило городскую администрацию о намерении провести публичные мероприятия 26 марта 2017 года с 9:00 до 18:00 во всех трех местах, выбранных заявителем, а также в двух других местах. В таких обстоятельствах городская администрация должна была представить заявителю обоснованные предложения о смене места или времени проведения ее мероприятия. Однако, таких предложений не поступало. Поэтому отсутствие предложений городской администрации об альтернативном месте или времени проведения мероприятия заявителя явилось незаконным.

16. В тот же день управление внутренних дел г. Казани предупредило заявителя, что, если она проведет публичное мероприятие в одном из мест, указанных в ее уведомлениях от 14 и 17 марта 2017 года, она будет привлечена к ответственности.

17. 26 марта 2017 года заявитель провела мероприятие в месте, специально отведенном для проведения публичных мероприятий в парке «Крылья Советов». По словам заявителя, в мероприятии, которое длилось примерно один час и двадцать минут, приняли участие около 1500 человек. По словам Властей, в мероприятии участвовали около 400 человек.

18. По словам Властей, во время мероприятия полиция использовала громкоговорители, призывая участников разойтись. Как утверждает заявитель, никаких объявлений по громкоговорителям не делалось. Полицейский подошел к ней и потребовал, чтобы она остановила незаконное публичное мероприятие. Сославшись на решение Вахитовского районного суда от 24 марта 2017 года, она ответила, что данное мероприятие было законным. До конца мероприятия полиция больше не предпринимала никаких действий.

В. Задержание и административное судопроизводство в отношении заявителя

19. Заявитель была задержана по пути домой после мероприятия, примерно в 16:20, и доставлена в ближайшее отделение полиции. Полиция незамедлительно составила протокол, в котором утверждалось, что заявитель была доставлена в полицию с целью составления протокола об административном правонарушении. В протоколе задержания, составленном в то же самое время, указывалось, что она была задержана «в связи с административным правонарушением [как в оригинале] согласно части 2 статьи 20.2 [и] части 1 статьи 19.3 [Кодекса об административных правонарушениях (далее - «КоАП»)] для рассмотрения дела».

20. В тот же день в 18:00 полиция составила протокол об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях. Они указали, что заявитель организовала несанкционированное публичное мероприятие. В частности, она опубликовала сообщение в социальной сети «ВКонтакте», призывая к участию в мероприятии в парке «Крылья Советов» 26 марта 2017 года. Затем она провела мероприятие, которое проходило с 14:00 до 15:00 и в котором участвовало около 400 человек. Она уведомила городскую администрацию о ее намерении провести мероприятие в парке «Крылья Советов», но городская администрация отказала в разрешении на проведение мероприятия. Однако, ей было разрешено провести пикетирование в другом месте.

Проводя несанкционированное мероприятие в парке «Крылья Советов», заявитель нарушила требования раздела 4 пунктов 4 и 5 Закона о публичных мероприятиях и, следовательно, совершила правонарушение согласно части 2 статьи 20.2 КоАП.

21. В тот же день в 18:00 полицейские составили протокол об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях. Они дословно повторили протокол об административном правонарушении согласно части 2 статьи 20.2 КоАП и добавили, что заявитель была предупреждена Управлением внутренних дел Казани, что будет привлечена к ответственности в случае проведения публичного мероприятия в месте, которое не было утверждено городской администрацией. Несмотря на предупреждение, заявитель провела мероприятие в парке «Крылья Советов» 26 марта 2017 года в 14:00. Полиция приказала ей остановить мероприятие, но она не предприняла никаких действий для выполнения этого приказа; митинг длился до 15:00. Следовательно, заявитель не подчинилась законному приказу полиции и тем самым совершила правонарушение согласно статье 19.3 КоАП.

22. Заявитель была освобождена в 20:35.

23. 27 марта 2017 года Авиастроительный районный суд Казани, двумя отдельными решениями, признал заявителя виновной в правонарушениях согласно статье 19.3 и части 2 статьи 20.2 КоАП. Он установил, что она организовала несанкционированное публичное мероприятие, в том числе опубликовав сообщение в сети «ВКонтакте», призывая к участию в мероприятии, и отказалась подчиниться законному приказу полиции о прекращении мероприятия. Суд отметил, что заявитель уведомила городскую администрацию о ее намерении провести мероприятие в парке «Крылья Советов», но городская администрация отказала в разрешении на проведение мероприятия; администрация предложила ей провести пикетирование в другом месте. Заявитель была предупреждена Управлением внутренних дел Казани, что будет привлечена к ответственности в случае проведения публичного мероприятия в месте, которое не было утверждено городской администрацией. Однако она провела мероприятие в парке «Крылья Советов». Полиция приказала ей прекратить мероприятие, но она не подчинилась этому приказу. Суд не ответил на довод заявителя, что решение городской администрации от 16 марта 2017 года об отказе выдать разрешение на проведение мероприятия было аннулировано в порядке судебного надзора, и что потому мероприятие следовало рассматривать как санкционированное и законное, и приказ полиции остановить мероприятие был незаконным. Суд назначил заявителю штраф в размере 1000

российских рублей согласно статье 19.3 КоАП и двадцать часов принудительных работ согласно части 2 статьи 20.2 КоАП.

24. Заявитель обжаловала это решение. Она повторила свой аргумент, что она в надлежащем порядке уведомила об организованном ею мероприятии и, следовательно, таковое являлось законным, и что приказ полиции о прекращении мероприятия был незаконным. Она сослалась на постановление Вахитовского районного суда от 24 марта 2017 года, объявившим незаконным решение городской администрации от 16 марта 2017 года об отказе разрешить мероприятие и обосновав это частью 8 статьи 227 Кодекса административного судопроизводства («КАС»), что постановление подлежало незамедлительному исполнению (см. краткое изложение положений национального законодательства в постановлении Европейского Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*), жалобы №№ 57818/09 и 14 других жалоб, пункт 293). Она также сослалась на определение Конституционного Суда от 14 февраля 2013 года, что публичное мероприятие считается разрешенным не только после получения организатором прямого разрешения местных властей, но также если местные власти не представили организатору аргументированного предложения о смене места или времени мероприятия в рамках установленного законом срока. Заявитель также утверждала, что публичное мероприятие не представляло какого-либо риска для жизни или здоровья людей, или для имущества физических или юридических лиц. Участники также не совершали каких-либо противоправных действий и не нарушали порядок проведения публичного мероприятия, установленный федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». В связи с этим, отсутствовали какие-либо законные основания для прекращения публичного мероприятия.

25. 17 мая 2017 года Верховный суд Республики Татарстан оставил в силе оба решения от 27 марта 2017 года в апелляционном порядке, признав их законными, обоснованными и справедливыми. В ответ на доводы заявителя, что мероприятие было законным и что приказ полиции о прекращении мероприятия являлся противозаконным, суд постановил следующее:

«Доводы адвоката и [заявителя], что она была невиновна и была неправомерно обвинена согласно [статье 19.3 и части 2 статьи 20.2 КоАП], так как в ее действиях отсутствовал состав [вышеуказанных правонарушений] – так как она не нарушала требования действующего законодательства, ее вина не была доказана материалами дела и приказ полицейских о прекращении публичного мероприятия был незаконным, – являются необоснованными. Они основываются на ошибочном толковании положений действующего законодательства и неверной оценке фактов настоящего дела. Доводы, выдвинутые [заявителем], противоречат фактам, установленным в ходе

рассмотрения дела, и опровергаются доказательствами, которые в целом показывают, что [заявитель] не подчинилась законному приказу полицейского, который выполнял свои служебные обязанности по охране общественного порядка и обеспечивал общественную безопасность».

Далее суд подробно изложил положения действующего национального права (см. изложение положений национального законодательства в упоминаемом выше постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункты 226-32) и продолжил:

«Комплексный анализ действующих правовых положений и фактов настоящего дела приводит [суд] к выводу, что в настоящем деле организатор публичного мероприятия не полностью придерживался порядка организации и проведения публичных мероприятий, что делало соответствующее публичное мероприятие незаконным. Кроме того, судебное постановление, в котором признается, что отсутствие незаконных действий со стороны [городской администрации] не представляло собой безусловное утверждение места и времени проведения публичного мероприятия и не освобождало организатора от исполнения обязанностей, налагаемых согласно [федеральному закону «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»]. Следовательно, вышеупомянутое [судебное постановление] не делает несанкционированное публичное мероприятие санкционированным ...

В настоящем деле полицейский действовал в рамках его полномочий, предоставленных законом, с целью исполнения его обязанности обеспечить общественный порядок и безопасность. Его приказ о прекращении публичного мероприятия, который был дан организатору, можно рассматривать как законный в соответствии с [Законом «О полиции»].

Тот аргумент, что публичное мероприятие должно считаться разрешенным не только после получения организатором прямого разрешения местных властей, но также если местные власти не представили организатору аргументированного предложения о смене места или времени мероприятия в рамках установленного законом срока, не имеет законной силы. Цель публичного мероприятия, указанная в уведомлении (против коррупции и за отставку премьер-министра Медведева) отличалась от действительной цели публичного мероприятия и цели, заявленной во время предварительной кампании [в отношении данного мероприятия]. Таким образом, 23 марта 2017 года [заявитель] опубликовала на ее ... личной странице в социальной сети «ВКонтакте» сообщение о планируемом публичном мероприятии, которое должно состояться 26 марта 2017 года в 14:00 в парке «Крылья Советов» ... в котором указала следующее: «26 марта - общенациональный день протеста против коррупции российских высокопоставленных чиновников». #whereisDimon#lookforDimon. Друзья, мы имеем право собраться, чтобы обсудить это. Митинг пройдет в парке «Крылья Советов»...»

26. Впоследствии, 12 июля 2017 года Вахитовский районный суд признал заявителя виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 20.2 КоАП. Суд отметил, что заявитель представила устные заявления и отрицала свою виновность. Далее суд установил, что 23 марта 2017 года она опубликовала сообщение в социальной сети «ВКонтакте», призывая к участию в митинге 26 марта

2017 года в парке «Крылья Советов», несмотря на то, что городская администрация отказала в выдаче разрешения на проведение этого митинга и предложила заявителю провести пикетирование в другом месте. Таким образом, заявитель призывала к участию в публичном мероприятии до того, как это мероприятие было утверждено компетентными областными или муниципальными властями. Суд обязал заявителя выплатить штраф в размере 10 000 рублей.

27. 9 августа 2017 года Верховный суд Республики Татарстан оставил без изменения решение от 12 июля 2017 года в апелляционном порядке, признав его законным, в достаточной степени обоснованным и оправданным. Суд постановил, в частности, что пункт 1 раздела 10 федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» прямо запрещал организаторам призывать к участию в публичном мероприятии до того, как такое мероприятие будет утверждено компетентными местными органами власти (см. краткое изложение положений национального законодательства в упоминаемом выше постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 249). Заявитель нарушила этот запрет. Далее суд дословно повторяет части его решения от 17 мая 2017 года, изложенного выше в пункте 25. Заявитель присутствовала на слушании и сделала устные заявления.

Г. Производство по гражданскому делу

28. 12 сентября 2017 года Вахитовский районный суд г. Казани отказал в удовлетворении иска заявителя в отношении морального вреда, причиненного городской администрацией ввиду отсутствия предложения с ее стороны альтернативных мест для проведения митинга 26 марта 2017 года, как установлено решением от 24 марта 2017 года (см. выше пункт 15). Суд признал, что заявитель не доказала причинение ей морального вреда в результате бездействия со стороны городской администрации.

29. 14 декабря 2017 года Верховный суд Республики Татарстан оставил без изменения решение от 12 июля 2017 года в апелляционном порядке, признав его законным, в достаточной степени обоснованным и оправданным. Он добавил, что 21 марта 2017 года городская администрация предложила альтернативное место для проведения публичного мероприятия, запланированного организатором. Заявитель не обосновала ее довод, что это предложение касалось иного публичного мероприятия.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

30. Краткое изложение положений национального права о порядке уведомления и проведения публичных мероприятий, о соответствующих процедурах судебного пересмотра и ответственности за нарушения в ходе проведения публичных мероприятий см. в постановлении по делу «Лашманкин и другие против России» (упоминается выше, пункты 216-312).

31. Верховный Суд толковал положения действующего национального права следующим образом.

32. В постановлении Пленума Верховного Суда № 28 от 26 июня 2018 года говорится о применении законодательства о публичных мероприятиях при судебном рассмотрении административных жалоб и дел об административных правонарушениях. В нем предусмотрено, что отказ в утверждении публичного мероприятия, места его проведения или времени, или формы его проведения может быть обжалован в суде организатором мероприятия или лицом, уполномоченным организатором выполнять распорядительные функции по организации и проведению публичного мероприятия (пункт 2). При рассмотрении таких административных дел об оспаривании решений суду следует рассмотреть, было ли вмешательство со стороны органа публичной власти в право на свободу публичных собраний законным, необходимым и соразмерным преследуемой законной цели. С учетом этого суду в каждом конкретном случае надлежит исследовать все выдвигаемые органом публичной власти доводы и представленные им доказательства, а также оценивать их на предмет наличия относимых и достаточных оснований для осуществленного вмешательства (пункт 9). Постановление № 28 также предусматривает, что суды должны удостовериться, что предложение об изменении места или времени публичного мероприятия или формы его проведения было представлено в течение установленных законом трех дней. Несоблюдение этого срока означает, что публичное мероприятие должно расцениваться как согласованное (пункт 10).

33. Постановление № 28 также предусматривает, что суды должны учитывать, что предложение об изменении места или времени публичного мероприятия или способа его проведения не может быть произвольным или немотивированным. В предложении должны быть указаны конкретные данные, свидетельствующие об очевидной невозможности проведения этого мероприятия в заявленном месте и в заявленное время в связи с необходимостью защиты публичных интересов. К таким интересам могут быть отнесены: сохранение и восстановление нормального и бесперебойного функционирования жизненно важных объектов коммунальной, социальной или

транспортной инфраструктуры и связи (например, аварийный ремонт сетей инженерно-технического обеспечения), либо необходимость поддержания общественного порядка, обеспечения безопасности граждан (как участников публичного мероприятия, так и лиц, которые могут находиться в месте его проведения в определенное для этого время, в том числе ввиду угрозы обрушения зданий и сооружений или превышения нормы предельной заполняемости территории (помещения) в месте проведения публичного мероприятия), либо недопустимость создания помех движению пешеходов и (или) транспортных средств, доступу граждан к жилым помещениям или объектам транспортной или социальной инфраструктуры, либо иные подобные соображения. В то же время, неудобства, вызываемые проведением публичного мероприятия, для граждан, не участвующих в нем, а также предположения органа публичной власти о возможности возникновения указанных неудобств сами по себе не могут являться уважительной причиной для изменения места или времени проведения публичного мероприятия. Например, неудобства, связанные с необходимостью временного изменения транспортных или пеших маршрутов движения не могут расцениваться в качестве уважительной причины предложения об изменении места или времени проведения публичного мероприятия, если условия дорожного движения и поведение всех участников этого движения будут находиться в пределах допустимых норм и не будут способствовать возникновению дорожно-транспортных происшествий. С другой стороны, помехи движению транспорта или движению пешеходов, угроза нарушения функционирования объектов жизнеобеспечения могут являться уважительной причиной предложения об изменении места или времени проведения публичного мероприятия в случае, если проведение такого мероприятия нарушит требования по обеспечению транспортной безопасности и безопасности дорожного движения на объектах транспортной инфраструктуры или будет препятствовать доступу граждан к жилым помещениям и объектам инфраструктуры, независимо от осуществления уполномоченными органами дополнительных мер, направленных на обеспечение соблюдения таких требований. С учетом этого орган публичной власти обязан представить суду доказательства, подтверждающие наличие конкретных обстоятельств, препятствующих проведению публичного мероприятия в заявленном месте или в заявленное время. При этом суд не вправе учитывать любые обстоятельства, не указанные в этом предложении о замене места или времени проведения публичного мероприятия (пункт 12).

34. В постановлении № 28 также указано, что судам следует учитывать, что орган публичной власти обязан предложить конкретное место или время для проведения заявленного публичного

мероприятия, обеспечивающие возможность достижения правомерных целей этого мероприятия и соответствующие его социальному и политическому значению. При отказе в согласовании проведения публичного мероприятия по мотиву того, что оно заявлено к проведению в месте, в котором проведение публичного мероприятия запрещается, орган публичной власти вправе предложить альтернативное место проведения публичного мероприятия. Организатор обязан в письменной форме ответить, сообщив о принятии предложения об изменении места/или времени проведения публичного мероприятия не позднее чем за три дня до проведения мероприятия. Организатор также может подать для согласования встречное предложение об ином месте или времени проведения публичного мероприятия. Однако, вопрос о проведении мероприятия в иную дату решается организатором публичного мероприятия путем подачи нового уведомления о проведении публичного мероприятия (пункт 13).

35. В постановлении № 28 также поясняется, что публичные мероприятия, проводимые в помещении, находящемся в частной собственности (в том числе в торговом центре), не освобождают организатора от подачи уведомления о его проведении. В таком случае организатор представляет совместно с уведомлением данные о согласовании проведения публичного мероприятия с лицом, в ведении которого находится это помещение (пункты 8 и 14). Уведомление о проведении публичного мероприятия не требуется при условии, что количество предполагаемых его участников не превышает установленную законом субъекта предельную численность лиц, участвующих в публичных мероприятиях, уведомление о проведении которых не требуется. Организатор обязан обеспечить безопасность участников публичного мероприятия при его проведении, что предполагает необходимость уточнения этим лицом вопроса о запланированных к проведению в специально отведенном месте в избранное время иных публичных мероприятий, чтобы исключить при их совместном проведении превышения нормы предельной заполняемости данного места. Информирование организатором публичного мероприятия органа публичной власти о намерении провести данное мероприятие учитывается судом при оценке выполнения им обязанности по обеспечению общественного порядка и безопасности граждан при проведении публичного мероприятия. Орган публичной власти вправе предлагать организатору публичного мероприятия изменить место или время публичного мероприятия, которое должно быть проведено в специально определенном месте и уведомление о проведении которого не требуется только если в указанном месте ранее запланировано проведение иного публичного мероприятия и (i) количество участников двух совместных публичных

мероприятий превысит предельную заполняемость места их проведения; или (ii) будет невозможно обеспечить их мирный характер силами правопорядка, обычно применяемыми для обеспечения проведения схожих по численности публичных мероприятий или привлеченными для этих целей дополнительно, и потребует принятия чрезвычайных мер со стороны правоохранительных органов (пункт 15). С другой стороны, проведение культурно-массового мероприятия, ярмарки и иного мероприятия, не относящегося по смыслу Закона о публичных мероприятиях к публичному мероприятию, само по себе не может являться законным основанием для предложения об изменении места или времени проведения публичного мероприятия, заявленного к проведению в специально отведенном месте. Проведение массового мероприятия может расцениваться как законное основание для предложения об изменении места или времени проведения публичного мероприятия, только если информация о проведении данного массового мероприятия была опубликована в соответствии с требованиями законодательства и при совместном проведении двух мероприятий не может быть обеспечена их безопасность (пункт 16).

36. Наконец, в постановлении № 28 указывается, что при удовлетворении административного искового заявления об оспаривании решения органа публичной власти до даты проведения публичного мероприятия суд может обязать орган публичной власти не препятствовать проведению публичного мероприятия в заявленную дату и время. В случае если в судебном заседании административный ответчик представит доказательства, что после вынесения оспариваемого решения органа публичной власти возникли иные обстоятельства, объективно препятствующие проведению публичного мероприятия в заявленном месте или в заявленное время, суд может возложить на административного ответчика обязанность в установленный судом срок повторно рассмотреть вопрос о месте, времени и условиях проведения публичного мероприятия (пункт 20).

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ В ОДНО ПРОИЗВОДСТВО

37. В соответствии с пунктом 1 правила 42 Регламента Суда, Европейский Суд принял решение объединить данные жалобы.

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

38. Власти утверждали, что заявитель не исчерпала внутригосударственные средства правовой защиты в отношении своей жалобы на нарушение статьи 5 Конвенции. Ей следовало оспорить предположительно незаконное доставление и задержание в соответствии с процедурой, изложенной в главе 25 Гражданско-процессуального кодекса. Она могла также подать гражданский иск о выплате компенсации согласно части 1 статьи 1070 Гражданского кодекса (краткое изложение положений действующего законодательства см. в постановлении Европейского Суда от 10 апреля 2018 года по делу «Цветкова и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*), жалобы №№ 54381/08 и 5 других жалоб, пункты 60-82). Власти также утверждали, что заявитель не исчерпала внутригосударственные средства правовой защиты в отношении ее жалоб согласно статьям 6, 10 и 11 Конвенции на ее обвинение за призывы к участию в публичном мероприятии, так как она не оспорила признание ее виновной согласно процедуре пересмотра, в соответствии со статьей 30.12 КоАП.

39. Заявитель утверждала, что ни Гражданско-процессуальный кодекс, ни Гражданский кодекс не были применимы к ее ситуации, которая регулировалась КоАП. Она считала, что «процедура пересмотра» не являлась эффективным средством правовой защиты, сославшись на решение Европейского Суда от 31 января 2017 года по делу «Смадилов против России» (*Smadikov v. Russia*), жалоба № 10810/15). В связи с этим она не обязана была исчерпать это средство правовой защиты перед тем, как обратиться в Европейский Суд.

40. Суд отмечает, что глава 25 Гражданско-процессуального кодекса утратила силу с 15 сентября 2015 года и в соответствующий момент более не имела юридической силы. Поэтому данное средство правовой защиты было недоступно заявителю.

41. Что касается гражданского иска согласно части 1 статьи 1070 Гражданского кодекса, Суд недавно признал, что лицо, обвиненное в совершении административного правонарушения, в связи с которым оно было задержано, не имело шансов на успешное рассмотрение гражданского иска о компенсации согласно части 1 статьи 1070 (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Цветкова и другие против России», пункт 97). В настоящем деле Власти не выдвинули никаких фактов или доводов, которые могли бы побудить Суд прийти к другому выводу.

42. Наконец, ранее Суд установил, что «процедура пересмотра» согласно статье 30.12 КоАП не может рассматриваться в качестве средства правовой защиты для целей пункта 1 статьи 35 Конвенции

(см. упоминавшееся выше решение Европейского Суда по делу «Смадилов против России», пункт 49).

43. Соответственно, Суд отклоняет возражение Властей о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ ВВИДУ ОТКАЗА УТВЕРДИТЬ МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ ПУБЛИЧНОГО МЕРОПРИЯТИЯ, ЗАДЕРЖАНИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ И ПРИЗНАНИЯ ЕЕ ВИНОВНОЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ТАКОГО МЕРОПРИЯТИЯ И НЕПОВИНОВАНИИ ПОЛИЦИИ

44. Заявитель жаловалась на ограничения, наложенные властями в отношении места проведения публичного мероприятия, на ее задержание и признание виновной в организации мероприятия и в неповиновении полиции. Она ссыалась на статьи 10 и 11 Конвенции. Суд рассмотрит настоящее дело с точки зрения статьи 11, истолкованной, когда это уместно, в свете статьи 10 (см. постановление Европейского Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*), жалобы №№ 57818/09 и 14 других жалоб, пункты 363-65). Статья 11 Конвенции гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов Государства».

А. Приемлемость жалобы

45. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Доводы сторон

46. Заявитель утверждала, что отказ согласовать место проведения ею публичного мероприятия был незаконным, как подтвердили национальные суды. В таких обстоятельствах, ее задержание и признание виновной в совершении административных правонарушений за проведение публичного мероприятия в одном из мест, указанных в ее уведомлении, было незаконным. Заявитель также указала, что реальной целью отказа разрешить проведение ее публичного мероприятия являлось наказать ее за организацию оппозиционного митинга в рамках общенациональной кампании протеста против коррупции и отговорить от организации подобных мероприятий в будущем. Таким образом, меры, принятые против нее, не преследовали правомерную цель. Наконец, заявитель утверждала, что отказ дать разрешение на проведение публичного мероприятия, ее задержание и признание виновной не являлось «необходимым в демократическом обществе». По мнению заявителя, власти предоставили все приемлемые места партии «Единая Россия», чтобы сделать оппозиционные протесты противоправными. Целью мероприятия, которое она организовала, являлось привлечение внимания общественности к важному вопросу: коррупционные правонарушения высокопоставленных должностных лиц. Мероприятие носило мирный характер и никоим образом не нарушало общественный порядок и не мешало дорожному движению, и не наносило материального ущерба. Во время митинга не звучало никаких призывов к насилию или оскорбительных заявлений. Заявитель была задержана и содержалась под стражей более четырех часов, и ей было назначено наказание в виде штрафа и двадцати часов принудительных работ по той единственной причине, что она организовала публичное мероприятие, которое ранее власти незаконно отказались согласовывать. Наказание было явно несоразмерным вменяемым ей действиям.

47. Власти утверждали, что требование процедуры получения разрешения или уведомления, как правило, не посягало на суть права на свободу собрания, так как цель процедуры заключалась в том, чтобы позволить властям принять надлежащие и целесообразные меры для беспрепятственного проведения собрания, митинга или иного мероприятия. В этой связи они сослались на постановление Европейского Суда от 23 октября 2008 года по делу «Сергей Кузнецов против России» (*Sergey Kuznetsov v. Russia*), жалоба № 10877/04, пункт 42). Ссылаясь на решение Европейского Суда от 4 мая 2004 года по делу «Зилиберберг против Молдовы» (*Ziliberberg v. Moldova* ((dec.)), жалоба № 61821/00), утверждая, что поскольку государства имеют

право требовать получения разрешения, они должны иметь возможность применять санкции к тем, кто участвует в демонстрациях, не соответствующих требованиям. Заявитель организовала и провела несанкционированное публичное мероприятие, и отказалась прекращать его, когда полиция приказала это сделать. Следовательно, разгон мероприятия и разбирательство по поводу административного правонарушения с ее стороны были законными, преследовали правомерные цели защиты общественного порядка и прав других, и были оправданными.

2. Оценка Суда

48. Суд ссылается на принципы, установленные в его практике в отношении свободы собраний (см. постановление Большой Палаты по делу «Кудревичиус и другие против Литвы» (*Kudrevičius and Others v. Lithuania*) [БП], жалоба № 37553/05, ECHR 2015, с дальнейшими ссылками).

49. В упоминаемом выше руководящем постановлении по делу «Лашманкин и другие против России» (пункты 402-78) Суд уже установил нарушение в отношении вопросов, аналогичных рассматриваемым в рамках настоящего дела.

50. Рассмотрев все представленные материалы, Европейский Суд не усмотрел каких-либо обстоятельств или доводов, которые бы позволили ему прийти к иному выводу относительно настоящего дела. С учетом вышеизложенных соображений, Суд считает, что вмешательство в право заявителя на свободу собраний было основано на правовых нормах, которые не отвечали требованиям Конвенции о «качестве закона» и не являлись «необходимыми в демократическом обществе».

51. Таким образом, имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 В ПРИВЯЗКЕ СО СТАТЬЕЙ 11 КОНВЕНЦИИ

52. Заявитель подала жалобу в соответствии со статьей 13 в привязке со статьей 11 Конвенции, что ей не были предоставлены эффективные средства правовой защиты от предполагаемого нарушения права на свободу проведения собрания. Статья 13 Конвенции предусматривает следующее:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. Приемлемость жалобы

53. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Доводы сторон

54. Заявитель утверждала, что ее дело было аналогично делу «Лашманкин и другие против России» (упоминается выше), где Суд установил нарушение статьи 13 Конвенции. Она обратилась с ходатайством о судебном пересмотре отказа разрешить публичное мероприятие, и ее жалоба была частично удовлетворена. Хотя это постановление было принято до даты запланированного публичного мероприятия, его рамки были ограничены заявлением о том, что отказ был незаконным. Внутригосударственные суды не распорядились о том, чтобы городская администрация согласовала место для проведения мероприятия. Учитывая, что судебное постановление не расценивалось как согласование публичного мероприятия, оно не наделяло таковое презумпцией законности.

55. Заявитель также утверждала, что национальные суды не изучили, было ли вмешательство в ее свободу собраний «необходимым в демократическом обществе» и «соразмерным преследуемой законной цели». Суды не признали наличия в данном деле конфликта между правом заявителя на свободу собрания и прочими законными интересами, и не сопоставили эти интересы. Кодекс административного судопроизводства, который заменил главу 25 Гражданско-процессуального кодекса, не устранил дефекты, установленные в упоминаемом выше деле «Лашманкин и другие против России», касающиеся недостаточного объема рассмотрения, проведенного российскими судами.

56. Власти утверждали, что жалоба заявителя о судебном пересмотре отказа утвердить место проведения ею публичного мероприятия была рассмотрена до запланированной даты мероприятия и была удовлетворена частично. Национальные суды признали, в частности, что городская администрация не предоставила заявителю обоснованного предложения об изменении места проведения мероприятия. Кроме того, не был составлен исполнительный лист. Власти также утверждали, что национальные суды должны были оценить, было ли оспариваемое решение законным и обоснованным, и был ли соблюден порядок его принятия, установленный

законодательством. Однако суды не располагали компетенцией рассматривать «приемлемость» любого предложения о смене места проведения.

2. Оценка Суда

57. Европейский Суд напоминает, что статья 13 гарантирует наличие средства правовой защиты на национальном уровне в отношении жалоб, которые в значении Конвенции могут считаться «небезосновательными» (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» *Hasan and Chaush v. Bulgaria*), жалоба № 30985/96, пункт 96, ECHR 2000-XI). Суд установил нарушение права заявителя на свободу собрания. Следовательно, жалоба согласно статье 11 Конвенции являлась небезосновательной.

58. Суд повторяет, что «эффективность» «средства правовой защиты» в значении статьи 13 не зависит от определенности благоприятного исхода для заявителя. В то же время средство правовой защиты, предусмотренное статьей 13 Конвенции, должно быть эффективным не только на практике, но и по закону, в смысле воспрепятствования предполагаемому нарушению или сохранению оспариваемого положения дел или предоставления достаточного возмещения за любое нарушение, которое уже произошло (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*) [БП], жалоба № 30210/96, пункты 157 и 158, ECHR 2000 XI, и постановление Европейского Суда от 10 января 2012 года по делу «Ананьев и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*), жалобы №№ 42525/07 и 60800/08, пункт 96).

59. Объем обязательств Высоких Договаривающихся Сторон, предусмотренный статьей 13, зависит от характера жалобы заявителя. Что касается жалоб по поводу ограничений свободы собрания, наложенных до даты запланированного собрания – таких как, например, отказ в предварительном разрешении или утверждении, когда они требуются – Суд уже отметил, что понятие эффективного средства правовой защиты подразумевает возможность получения судебного решения, подлежащего принудительному исполнению, касательно таких ограничений до запланированного времени проведения собрания (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункты 344-45).

60. В недавнем деле «Лашманкин и другие против России» (упоминается выше, пункты 342-61) Суд признал, что заявители не имели в распоряжении эффективного средства правовой защиты, чтобы оспорить отказы в утверждении места или времени проведения

публичного мероприятия или формы проведения такового. Средство правовой защиты в виде судебного пересмотра согласно бывшей статье 25 Гражданско-процессуального кодекса и Закону о судебном надзоре, действовавших в период рассматриваемых событий, имело два недостатка, которые делали его неэффективным в отношении статьи 13. Во-первых, оно не позволяло получить судебное решение, подлежащее принудительному исполнению, в отношении отказа властей утвердить место, время или способ проведения публичного мероприятия до запланированной даты. Во-вторых, область его применения ограничивалась рассмотрением законности предложения об изменении места, времени или способа проведения публичного мероприятия, и не включала оценку его «необходимости в демократическом обществе» и «соразмерности».

61. Суд отмечает, что, так как появились факты, послужившие причиной подачи жалоб, объединенных в деле «Лашманкин и другие против России», 15 сентября 2015 года вступил в силу новый Кодекс административного судопроизводства (далее - «КАС»), реформирующий действующий порядок судебного пересмотра. Он предусматривает, в частности, что жалобы на решения органов власти в отношении изменений, касающихся целей, места, типа или формы проведения публичного мероприятия, должны рассматриваться районным судом, и, если возможно, также апелляционные жалобы, до запланированной даты мероприятия. Если суд удовлетворяет жалобу, он требует от властей или должностных лиц устранить нарушение прав подателя жалобы – в частности, определяя конкретные меры, которые необходимо принять – и устанавливает сроки. Вынесенное судебное решение подлежит немедленному исполнению (см. краткое изложение положений национального законодательства в вышеупомянутом постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункты 289-94 и 297). Суд считает, что указанные изменения в национальном законодательстве устранили первый недостаток, установленный в постановлении по делу «Лашманкин и другие против России», с этого момента позволяя получить судебное решение, подлежащее принудительному исполнению, в отношении отказа властей утвердить место, время или способ проведения публичного мероприятия до запланированной даты такового.

62. В самом деле, в настоящем деле жалоба заявителя о судебном пересмотре отказа утвердить место проведения ею публичного мероприятия была рассмотрена до запланированной даты мероприятия. Районный суд установил, что отказ был незаконным. Это решение подлежало незамедлительному исполнению. Однако, как позже пояснил Верховный Суд Республики Татарстан, «судебное постановление, в котором признается, что отсутствие незаконных

действий со стороны [городской администрации] не представляло собой безусловное утверждение места и времени проведения публичного мероприятия... Следовательно, вышеупомянутое [судебное постановление] не делает несанкционированное публичное мероприятие санкционированным» (см. выше пункт 25). Соответственно, требовалось дальнейшее действие со стороны городской администрации, чтобы публичное мероприятие заявителя стало законным. Однако, районный суд не распорядился о принятии какого-либо коррективного действия, хотя он располагал такими полномочиями согласно КАС (см. краткое изложение положений внутригосударственного права в упоминаемом выше постановлении по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 297, и пункт 36 выше). И городская администрация не приняла никаких мер по своей инициативе по исполнению решения районного суда и устранению недостатков, установленных этим решением.

63. В этой связи Суд повторяет, что статья 13 также содержит обязательство государств, заключающееся в том, что компетентные органы должны обеспечивать восстановление прав, в случае установления их нарушения, и отмечает, что он уже устанавливал нарушения ввиду несоблюдения государством этого требования (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Иатридис против Греции» (*Iatridis v. Greece*) [БП], жалоба № 31107/96, пункт 66, ECHR 1999-II; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Енерйылдыз против Турции» (*Öneryıldız v. Turkey*) [БП], жалоба № 48939/99, пункт 152, ECHR 2004-XII; и постановление Европейского Суда от 27 ноября 2012 года по делу «В.К. против Хорватии» (*V.K. v. Croatia*), жалоба № 38380/08, пункты 112-17). Для Суда было бы немыслимо, чтобы статья 13 предоставляла право на средство правовой защиты, и для обеспечения эффективности такого права не защищала практическое осуществление предоставляемого средства правовой защиты. Признание противного привело бы к ситуациям, несовместимым с принципом господства права, который государства обязались соблюдать при ратификации Европейской Конвенции (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «В.К. против Хорватии», пункт 114).

64. Учитывая, что решение районного суда в пользу заявителя, принятое до запланированной даты, не было исполнено, вопреки требованиям национального права, Суд не может принять, что средства правовой защиты, предоставляемые национальным законодательством, были эффективными в деле заявителя. В таких обстоятельствах нет необходимости рассматривать, был ли второй недостаток, установленный в деле «Лашманкин и другие против России», исправлен КАС.

65. Соответственно, в связи с этим в настоящем деле было допущено нарушение статьи 13 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 10 И 11 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ОБВИНЕНИЕМ ЗАЯВИТЕЛЯ В ПРИЗЫВАХ К УЧАСТИЮ В ПУБЛИЧНОМ МЕРОПРИЯТИИ

66. Заявитель жаловалась, что признание ее виновной в совершении административного правонарушения ввиду призыва общественности к участию в несанкционированном публичном мероприятии нарушило ее право на свободу выражения. Она ссыалась на статьи 10 и 11 Конвенции. Суд рассмотрит настоящее дело с точки зрения статьи 10, истолкованной, когда это уместно, в свете статьи 11. Статья 10 Конвенции гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны органов государственной власти и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует Государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и обязательства, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

A. Приемлемость жалобы

67. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Доводы сторон

68. Заявитель утверждала, что городская администрация отказалась утверждать место, выбранное ею, не предложив никаких альтернативных мест, в нарушение внутригосударственного права. Конституционный Суд действительно указал в своем определении от

14 февраля 2013 года, что публичное мероприятие считается разрешенным не только после получения организатором прямого разрешения местных властей, но также если местные власти не представили организатору аргументированного предложения о смене места или времени мероприятия в рамках установленного законом срока. В отсутствие предложения об альтернативном месте, заявитель, соответственно, считала, что ее мероприятие согласовано и сообщила подписчикам ее страницы социальной сети «ВКонтакте» о времени и месте мероприятия. В дальнейшем районный суд признал, что отказ городской администрации утвердить мероприятие являлся безусловно незаконным (см. пункт 15 выше). Следовательно, заявитель агитировала за участие в мероприятии после того, как она могла обоснованно считать его согласованным.

69. Заявитель также утверждала, что российское законодательство не определяло термин «проведение кампании за участие». Конституционный Суд в своем постановлении № 15-П от 30 октября 2003 года пояснил, что «проведение кампании за участие» означает «призыв к участию». Однако он не объяснил разницу между «призывом к участию» и распространением информации о планируемом публичном мероприятии, его подготовкой и соблюдением порядка согласования. В отсутствие четких правовых критериев для различия между «проведением кампании» и «распространением информации», любая информация о публичном мероприятии, его целях, типе, месте, времени и планируемом количестве участников может рассматриваться властями как проведение кампании за участие в таком мероприятии. Поэтому внутригосударственному праву не хватает четкости и предсказуемости.

70. Заявитель утверждала, что ее сообщение на странице социальной сети «ВКонтакте» не содержало каких-либо призывов к участию; она просто информировала читателей о своем намерении провести мероприятие. Национальные органы власти, однако, не попытались провести различие между «проведением кампании» и «информированием». Более того, постановление районного суда о признании заявителя виновной противоречило его предыдущему решению в отношении того, что отказ в утверждении публичного мероприятия был незаконным. Таким образом, вмешательство в права заявителя не основывалось на законе.

71. Наконец, заявитель утверждала, что ни национальные суды в своих решениях, ни Власти в своих замечаниях не указывали каких-либо законных целей для вмешательства в ее права. В функции Суда не входит высказывание предположений в отношении таких целей. Заявитель действовала в полном соответствии с национальным законодательством, как было установлено Конституционным Судом.

Следовательно, вмешательство не преследовало каких-либо законных целей. Национальные органы власти также не продемонстрировали, что вмешательство являлось «необходимым в демократическом обществе». Они не взвесили интересы прав заявителя на свободу выражения и собрания и иные законные интересы.

72. Власти утверждали, что национальное законодательство позволяло организаторам публичных мероприятий проводить кампанию за участие только в том случае, если мероприятие было утверждено компетентными органами. Конституционный Суд пояснил, что положение права не мешало организаторам информировать потенциальных участников о публичном мероприятии еще до того, как такое мероприятие будет согласовано с властями. Организатором запрещалось только проводить кампании, то есть, призывать к участию. Поэтому такой запрет был оправдан (см. краткое изложение положений национального права в упоминаемом выше постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункты 249 и 267). Следовательно, проведение любых кампаний за участие после получения отказа в разрешении на проведение публичного мероприятия было запрещено. Если власти предложили изменить место или время публичного мероприятия или способ его проведения, кампания за участие должна была учитывать такое предложение. Таким образом, применение соответствующих положений законодательства представляется понятным и предсказуемым.

73. Власти также утверждали, что городская администрация предложила изменить заявителю место проведения публичного мероприятия. Однако она опубликовала призывы для проведения мероприятия в одном из мест, которые городская администрация отказалась утверждать. Следовательно, заявитель нарушила установленный порядок проведения публичных мероприятий.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

74. Суд последовательно постановлял, что свобода выражения мнения является одним из основополагающих принципов демократического общества и одним из главных условий его развития и самосовершенствования его граждан. Согласно пункту 2 статьи 10, она применяется не только к «информации» или «идеям», признанным правильными, безобидными или нейтральными, но и к тем, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и широты взглядов, без которых не существует «демократического общества» (см. постановление Европейского Суда от 7 декабря 1976 года по делу

«Хэндисайд против Соединенного Королевства» (*Handyside v. the United Kingdom*), пункт 49, Серия А № 24; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)» (*Von Hannover v. Germany (no. 2)* [БП], жалобы №№ 40660/08 и 60641/08, пункт 101, ECHR 2012; и постановление Большой Палаты по делу «Бедат против Швейцарии» (*Bédat v. Switzerland*) [БП], жалоба № 56925/08, пункт 48, ECHR 2016).

75. Как указано в статье 10, свобода выражения мнения допускает ряд исключений, которые, однако, должны строго регламентироваться, и необходимость любых ограничений должна быть убедительно определена. Прилагательное «необходимый», по смыслу пункта 2 статьи 10, предполагает существование «насушной социальной необходимости». Договаривающиеся государства обладают определенной свободой действий по своему усмотрению при оценке наличия подобной необходимости, однако эта свобода сопровождается надзором на европейском уровне и охватывает законодательство и решения, принятые на его основе, в том числе независимыми судами. Таким образом, Европейский Суд имеет полномочия выносить окончательные решения о совместимости «ограничения» со свободой выражения мнений, в том виде, как она защищается статьей 10 (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 8 ноября 2016 года по делу «Венгерский хельсинкский комитет против Венгрии» (*Magyar Helsinki Bizottság v. Hungary*) [БП], жалоба № 18030/11, пункт 187).

76. Задача Суда при осуществлении контрольной функции состоит не в том, чтобы занять место компетентных внутригосударственных органов власти, а в том, чтобы в соответствии с собственными полномочиями оценить соответствие вынесенного решения статье 10. Это не означает, что контроль ограничен оценкой того, действовало ли государство-ответчик в рамках предела усмотрения осторожно, осмотрительно и добросовестно; перед Судом стоит задача оценить обжалуемое вмешательство в свете дела в целом и определить было ли оно «соразмерным преследуемой законной цели», а также являются ли причины, представленные национальными властями для обоснования этого, «достаточными и существенными». Поступая таким образом, Суд должен убедиться также в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам статьи 10 и, более того, что их применение основывалось на приемлемой оценке обстоятельств, относящихся к делу (см. постановление Большой Палаты по делу «Швейцарское движение разлитов против Швейцарии» (*Mouvement raëlien suisse v. Switzerland*) [БП], жалоба № 16354/06, пункт 48, ECHR 2012 (выдержки); постановление Большой Палаты по делу «Морис против Франции» (*Morice v. France*) [БП], жалоба № 29369/10, пункт 124, ECHR 2015; и постановление Большой

Палаты по делу «Меджлис исламске Заеднице Брчко и другие против Боснии и Герцеговины» (*Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others v. Bosnia and Herzegovina*) [БП], жалоба № 17224/11, пункт 75, ECHR 2017).

(6) Применение к настоящему делу

77. Сторонами не оспаривается, что признание заявителя виновной за призыв к участию в публичном мероприятии представляло собой вмешательство в ее право на свободу выражения, толкуемое в свете ее права на свободу собрания. Такое вмешательство представляет собой нарушение пункта 2 статьи 10, за исключением случаев, когда оно «предусмотрено законом», преследует одну или более законных целей, указанных в пункте 10, и «необходимо в демократическом обществе» для достижения таких целей. Суд полагает, что в настоящем деле вопросы соблюдения закона и существования законной цели не могут быть отделены от вопроса о том, является ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе» (аналогичную аргументацию см. в постановлении Европейского Суда от 31 июля 2014 года по делу «Немцов против России» (*Nemtsov v. Russia*), жалоба № 1774/11, пункт 75). Поэтому Суд рассмотрит эти вопросы ниже.

78. Сначала Суд отмечает, что оспариваемая мера имела основание в статье 20.2 КоАП, в сочетании с пунктом 1 раздела 10 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». В частности, статья 20.2 КоАП предусматривает ответственность за нарушения установленного порядка проведения публичных мероприятий, в том числе, за нарушение требований пункта 1 раздела 10 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», которая позволяет организаторам проводить кампании за участие в публичном мероприятии только после того, как мероприятие будет согласовано с компетентными региональными или муниципальными органами (краткое изложение см. в упоминаемом выше постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункты 249 и 302).

79. Конституционный Суд пояснил, что пункт 1 раздела 10 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» запрещал «проведение кампании» – то есть призыв к участию – и не запрещал «информировать» потенциальных участников о цели, типе, месте, времени и расчетном количестве участников публичного мероприятия, хотя такое мероприятие не было еще утверждено властями (см. краткое изложение постановления Конституционного Суда в упоминаемом выше постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 267). При признании организаторов

ответственными за нарушение требований пункта 1 раздела 10, национальные суды, соответственно, обязаны провести различие между «информированием» и «проведением кампании», так как только последнее является наказуемым согласно статье 20.2 КоАП.

80. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что национальные суды не пояснили, какое из выражений заявителя они приравнивали к «проведению кампании», противопоставляя его «информированию», в значении постановления Конституционного Суда, и почему. Следовательно, они не продемонстрировали, что ее сообщение на странице социальной сети «ВКонтакте» явилось нарушением требований пункта 1 раздела 10 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», в толковании Конституционного Суда, и потому предусматривало наказание согласно статье 20.2 КоАП.

81. Однако, даже допуская, что сообщение заявителя в Интернете содержало призывы к участию в публичном мероприятии и потому приравнивалось к «проведению кампании» в нарушение пункта 1 раздела 10 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», Суд считает, что признание заявителя виновной нарушило ее право на свободу выражения по следующим причинам.

82. Суд отмечает, что ни Власти, ни национальные суды в настоящем деле не упомянули каких-либо законных целей, преследуемых властями при осуждении заявителя. В частности, никогда не заявлялось, что публичное мероприятие, рекламируемое заявителем в ее аккаунте социальной сети, представляло опасность для общественной безопасности или могло привести к общественным беспорядкам или преступлению. Таким образом, цели защиты общественной безопасности и предупреждения беспорядка или преступления, совершенно очевидно, не имеют отношения к настоящему делу. В той мере, в какой может быть заявлено, что обвинение организатора публичного мероприятия за нарушение установленных правил проведения публичных мероприятий преследует цель исполнения этих правил, Суд уже признавал, что исполнение правил, регулирующих проведение публичных мероприятий, не может являться самоцелью (см. постановление Европейского Суда от 12 июня 2014 года по делу «Примов и другие против России» (*Primov and Others v. Russia*), жалоба № 17391/06, пункт 118, и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 449).

83. Суд, однако, принимает во внимание пояснение Конституционного Суда, что целью правил, регулирующих публичные мероприятия, и, в частности, порядок уведомления и согласования, является предоставление возможности властям принять все

необходимые меры для обеспечения безопасности как участников публичного мероприятия, так и других лиц (см. краткое изложение определения Конституционного Суда в упоминаемом выше постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 273). В свою очередь, запрет на проведение кампании за участие до согласования публичного мероприятия с компетентными органами направлен на то, чтобы граждане не были введены в заблуждение призывами к участию в публичном мероприятии, место и время проведения которого еще окончательно не определены (см. краткое изложение определения Конституционного Суда в упоминаемом выше постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 267). Учитывая, что и порядок уведомления о публичных мероприятиях, и запрет на проведение кампании за участие до того, как процедура успешно завершена, очевидно направлены на защиту прав других лиц, Суд допускает, что такие процедуры и правила также преследуют законную цель защиты прав других лиц.

84. Суд повторяет, что, как правило, недостаточно, чтобы вмешательство осуществлялось потому, что его предмет входит в определенную категорию или на него распространяется правовая норма, сформулированная в общих выражениях. Скорее требуется, чтобы это вмешательство было необходимым в конкретных обстоятельствах (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии» (*Perinçek v. Switzerland*), жалоба № 27510/08, пункт 275, ECHR 2015 (выдержки), и постановление Европейского Суда от 26 апреля 1979 года по делу «Санди Таймс» против Соединенного Королевства» (№ 1) (*The Sunday Times v. the United Kingdom (no. 1)*), пункт 65 *in fine*, Серия А № 30). Следовательно, отсутствие предварительной санкции и последующая «незаконность» деяния не дает властям свободу действия; они по-прежнему ограничены требованием соразмерности статьи 11 (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Кудревичюс и другие против Литвы», пункт 151). Следовательно, тот факт, что заявитель нарушила установленный законом запрет на «проведение кампании» за участие в публичном мероприятии, которое не было согласовано в надлежащем порядке, не является достаточным для того, чтобы оправдать вмешательство в ее свободу выражения мнения. Суд должен рассмотреть, было ли необходимым в демократическом обществе, учитывая факты и обстоятельства данного дела, приговаривать заявителя к штрафу.

85. В этой связи Суд отмечает, что сообщение, опубликованное заявителем, критиковало власти за запрет публичного мероприятия, требуя отставки премьер-министра Медведева, обвиняемого в масштабной коррупции. Вопросы, поднятые в этом сообщении,

затрагивали общественные интересы и комментарии заявителя в нем являлись частью ведущихся политических дебатов. В этой связи Суд повторяет, что, согласно его практике, высказывания по вопросам, представляющим общественный интерес, имеют право на сильную защиту (см. упоминаемое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии», пункт 230). Следовательно, согласно пункту 2 статьи 10 Конвенции, существует не много возможностей для ограничения политических высказываний или дискуссий по вопросам, представляющим общественный интерес (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сурек против Турции (№ 1)» (*Sürek v. Turkey (no. 1)*) [БП], жалоба № 26682/95, пункт 61, ECHR 1999-IV), и требуются очень убедительные основания для оправдания таких ограничений (см. постановление Европейского Суда по делу «Фелдек против Словакии» (*Feldek v. Slovakia*), жалоба № 29032/95, пункт 83, ECHR 2001□VIII), и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Сергей Кузнецов против России», пункт 47, с дальнейшими ссылками).

86. Суд также напоминает о важности того, чтобы органы государственной власти проявляли определенную степень толерантности по отношению к мирным незаконным собраниям (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Кудревичюс и другие против Литвы», пункт 150, и постановление Большой Палаты Европейского Суда от 15 ноября 2018 года по делу «Навальный против России» (*Navalnyy v. Russia*) [БП], жалобы №№ 29580/12 и 4 другие жалобы, пункт 143). Не было оснований считать, что рассматриваемое мероприятие, хотя и не было согласовано в надлежащем порядке, не будет носить мирный характер. В действительности, оспариваемое сообщение в Интернете не содержало никаких призывов к насильственным, хулиганским или иного рода противоправным деяниям во время публичного мероприятия.

87. Суд также отмечает, что в разрешении на проведение публичного мероприятия было отказано скорее на формальных основаниях, а не по той причине, что оно представляло риск беспорядков или преступления, или представляло угрозу общественной безопасности или правам других людей. В действительности, единственным основанием для отказа послужило то, что места, выбранные заявителем, были запланированы для проведения других публичных мероприятий. Важно отметить, что власти не указали, что имелся риск столкновения между участниками двух мероприятий, или что, с учетом размеров места проведения и ожидаемого количества участников, одновременное проведение двух мероприятий поставит под угрозу безопасность участников. Суд ранее

установил, что отказ утвердить место проведения публичного мероприятия только потому, что оно запланировано в том же месте и в то же время, что и другое мероприятие, и в отсутствие четкого и объективного указания, что контроль за обоими запланированными мероприятиями не может быть осуществлен надлежащим образом с помощью полиции, был несоразмерным вмешательством в свободу собраний (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 422). Значимым является также то, что отказ согласовать место проведения мероприятия заявителя позже был признан незаконным внутригосударственными судами.

88. Наконец, заявитель прямо и четко указала в ее сообщении, что власти отказались дать разрешение на проведение мероприятия, что она считала такой отказ незаконным и что по этой причине она подала жалобу о судебном пересмотре этого отказа. Поэтому она не пыталась ввести в заблуждение потенциальных участников, уверяя их в том, что они будут участвовать в разрешенном мероприятии. Она также пыталась свести к минимуму возможные неудобства для неучастников, предложив провести мероприятие в парке в месте, специально предназначенном для проведения публичных мероприятий, где не было дорожного движения. С учетом места проведения мероприятия и его мирного характера, в отсутствие какого-либо установленного риска столкновений с участниками других публичных мероприятий, не было никаких оснований считать, что властям будет необходимо вмешаться с целью гарантировать спокойное проведение мероприятия и безопасность участников и прохожих. Таким образом, нарушение порядка проведения публичных мероприятий в настоящем деле не привел к риску возникновения препятствий для других лиц.

89. Как представляется, единственной причиной для вмешательства в настоящем деле являлась необходимость наказать незаконное поведение. Учитывая, что нарушение порядка проведения публичных мероприятий было незначительным и не создавало реального риска общественных беспорядков или преступления, и не было возможности возникновения опасных последствий для общественной безопасности или прав других лиц, эта причина не являлась достаточной для обоснования признания заявителя виновной в призывах к участию в мероприятии по вопросу, представлявшему значительный интерес для общественности (см., схожую аргументацию в постановлении Европейского Суда от 26 апреля 2016 года по делу «Новикова и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*), жалобы №№ 25501/07 и 4 другие жалобы, пункт 199). В таких обстоятельствах Суд не убежден, что имела «наущная социальная потребность» во вмешательстве в право заявителя на свободу выражения мнения.

90. Следовательно, было допущено нарушение статьи 10 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

91. Заявитель жаловалась на то, что ее задержание носило произвольный и незаконный характер. Она полагалась на пункт 1 статьи 5, которая гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(а) законное содержание под стражей лица после его осуждения компетентным судом;

(б) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

(в) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения [...]

(г) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

(д) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

(е) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче».

А. Приемлемость жалобы

92. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Доводы сторон

93. Заявитель утверждала, что национальные органы власти так и не объяснили, почему было невозможно составить протокол об административном правонарушении на месте, без доставления ее в отделение полиции. В ходе внутригосударственного судопроизводства не указывалось, что она сопротивлялась составлению протокола на месте или проявляла агрессивное поведение. Тем не менее, она была доставлена в отделение полиции и задержана в нарушение внутригосударственного законодательства. Кроме того, Власти не пояснили, почему было необходимо удерживать ее в отделении полиции более четырех часов. Протоколы об административных правонарушениях были составлены в 18:00 и не было никаких оснований держать ее под стражей до 20:35.

94. Власти утверждали, что, организовав несанкционированное публичное мероприятие, заявитель совершила административное правонарушение. Полиция предупредила ее, что публичное мероприятие было незаконным, и потребовала прекратить его проведение. Заявитель не подчинилась приказу. Она также отказывалась проследовать в отделение полиции. Таким образом, доставление заявителя в отделение полиции и административное задержание были обусловлены необходимостью остановить административное правонарушение и привлечь ее к ответственности. И доставление, и задержание, были осуществлены в порядке, предусмотренном законом. Заявитель была освобождена сразу же после оформления всех необходимых процессуальных документов. Продолжительность ее задержания не выходила за рамки, установленные законом: оно длилось четыре часа и пятнадцать минут, которые в дальнейшем были вычтены из ее наказания.

2. Оценка Суда

95. Не оспаривался тот факт, что заявитель была лишена свободы в соответствии со значением пункта 1 статьи 5 Конвенции 26 марта 2017 года с 16:20 до 20:35. Суд отмечает, что сначала заявитель была доставлена в отделение полиции в соответствии со статьей 27.2 КоАП (см. изложение этого положения в упоминаемом выше постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 309) и затем, находясь в отделении полиции, была помещена под административный арест согласно статье 27.3 КоАП (см. изложение этого положения в упоминаемом выше постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 310).

96. Суд отмечает, что факты настоящего дела схожи с фактами, изложенными в постановлении Европейского Суда от 4 декабря 2014 года по делу «Навальный и Яшин против России» (*Navalnyy and Yashin v. Russia*) (жалоба № 76204/11, пункты 68 и 93), в постановлении Европейского Суда от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России» (*Frumkin v. Russia*) (жалоба № 74568/12, пункт 150) и в упоминаемом выше постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России» (пункты 486-92), где было установлено нарушение пункта 1 статьи 5. В настоящем деле Власти не выдвинули никаких фактов или доводов, которые могли бы побудить Суд прийти к другому выводу.

97. Суд считает, что доставление заявителя в отделение полиции и ее административное задержание не соответствовали российскому законодательству и потому были «незаконными» в значении пункта 1 статьи 5.

98. Следовательно, было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

99. Заявитель жаловалась на то, что производство по административному правонарушению против нее, которое закончилось признанием ее виновной 12 июля 2017 года и обвинение было оставлено без изменений в апелляционном порядке 9 августа 2017 года, было несправедливым. Она ссыалась на пункт 1 статьи 6 Конвенции, которая в части, применимой к настоящему делу, предусматривает следующее:

«1. «Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона...»...

A. Приемлемость жалобы

100. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Доводы сторон

101. Заявитель утверждала, что в ходе административного судопроизводства в отношении нее отсутствовала сторона обвинения. Полицейские, которые составили протокол об административном правонарушении с ее стороны, отсутствовали на судебных слушаниях и, в любом случае, они не должны были поддерживать обвинения против заявителя. В отсутствие стороны обвинения в ходе административного судопроизводства, суд первой инстанции и апелляционный суд взяли на себя роль выдвижения обвинения против заявителя. Эта ситуация явилась нарушением принципов беспристрастности, равенства сторон и состязательного производства. Ссылаясь на постановление Европейского Суда от 20 сентября 2016 года по делу «Карелин против России» (*Karelin v. Russia*) (жалоба № 926/08, пункты 22-37), заявитель утверждала, что Суд уже признал, что отсутствие стороны обвинения, вытекающее из внутригосударственного законодательства и судебной практики, являлось нарушением требования беспристрастности согласно статье 6 Конвенции. В настоящем деле суд первой инстанции *по собственной инициативе* изменил формулировку обвинений против заявителя и исправил фактические и правовые ошибки, содержащиеся в протоколе об административном задержании, тем самым исполнив задачу, обычно выполняемую стороной обвинения.

102. Власти утверждали, что принципы презумпции невиновности, состязательного производства и равноправия сторон применялись в течение всего судопроизводства. Российское законодательство содержало достаточные гарантии в отношении беспристрастности судей. Поэтому отсутствие на слушании полицейского, который составлял протокол об административном правонарушении или должностных лиц иных обвинительных органов не означало, что национальные суды взяли на себя обвинительную роль в отношении заявителя. Внутригосударственные суды не собирали доказательства для обвинения: доказательства были собраны и представлены в суд компетентными должностными лицами и стороной защиты; роль суда была ограничена оценкой таких доказательств. Учитывая, что дела об административных правонарушениях, как правило, являются простыми, участие прокурора в устных слушаниях было не обязательным. Однако, если судья считал, что доказательство стороны обвинения было неполным или недостаточным, он возвращал дело компетентным должностным лицам на исправление таких недостатков. Следовательно, суды выполняли чисто судебную, а не обвинительную, функцию.

2. Оценка Суда

103. Суд прежде всего повторяет, что уголовный аспект статьи 6 Конвенции был применим к производству в отношении заявителя на основании КоАП РФ (см. постановление Европейского Суда от 19 ноября 2015 года по делу «*Михайлова против России*» (*Mikhaylova v. Russia*), жалоба № 46998/08, пункт 69). Ранее Суд установил, что отсутствие стороны обвинения в контексте устных слушаний, влекущее вынесение решений по делам об административных правонарушениях, представляет собой серьезный недостаток в нарушении требования объективной беспристрастности, предусмотренного в пункте 1 статьи 6 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление по делу *Карелина*, пункты 69-84). Суд отмечает, что обязательные фактические и правовые элементы настоящего дела и дела *Карелина* (упоминается выше, пункты 59-68) являются схожими. Замечания сторон в настоящем деле не содержат оснований для отклонения Суда от постановления, вынесенного им ранее.

104. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции по вопросу требования беспристрастности.

105. Ввиду вышеизложенного вывода, Суд не считает необходимым рассматривать вопрос о том, имело ли место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении принципа равенства сторон и требования состязательности процесса (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «*Карелин против России*», пункт 85).

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

106. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

107. Заявитель требовала 11 000 рублей в счёт компенсации материального ущерба, понесенного ею ввиду уплаченных штрафов. Она также требовала 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

108. Власти указали, что расходы на штрафы были возмещены на законных основаниях ввиду исполнения судебных решений. Таким образом, требование о компенсации материального ущерба было

необоснованным. Требование о компенсации морального вреда было чрезмерным.

109. Суд усматривает прямую причинно-следственную связь между установленными нарушениями статей 10 и 11 Конвенции и штрафом, который заявитель выплатила вслед за обвинением в совершении административного правонарушения (см. схожую аргументацию в упоминавшихся выше постановлениях Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 515, и по делу «Новикова и другие против России», пункт 232). В связи с этим Суд присуждает заявителю 149 евро в качестве компенсации материального ущерба плюс налог, которым может облагаться данная сумма.

110. Суд присуждает заявителю в качестве компенсации морального вреда 12 500 евро плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма.

Б. Расходы и издержки

111. Основываясь на соглашении об оплате услуг адвоката, заключенном с Хруновой, и табелях рабочего времени Терехова, заявитель требует 4 200 евро в качестве компенсации судебных издержек за разбирательство дела в Европейском Суде. Представив почтовую квитанцию, заявитель также требовала 58 евро в качестве компенсации за почтовые расходы. Она просила выплатить присужденную сумму непосредственно на банковские счета ее законных представителей.

112. Власти утверждали, что отсутствовало доказательство того, что такие расходы действительно были понесены. Заявитель не представила соглашение об оплате услуг адвоката, заключенное с Тереховым. В соглашении об оплате услуг адвоката, заключенном с Хруновой, указывалось, что оплата услуг зависит от результатов дела. Поэтому не было доказательства, что заявитель оплатила услуги адвокатов или на нее налагалось юридическое обязательство по оплате таковых. Почтовая квитанция была низкого качества.

113. В соответствии с практикой Европейского Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно были понесены, были необходимыми и разумными с точки зрения их размера. Что касается довода Властей о том, что заявитель не заключила соглашения об оплате услуг адвоката с Тереховым и что соглашение об оплате услуг адвоката с Хруновой не имело юридической силы, Суд уже признавал в схожей ситуации, что, учитывая, что российское законодательство допускает заключение договора на консультативные услуги в устной форме (статья 153, рассматриваемая совместно со статьей 779 Гражданского кодекса

Российской Федерации), и независимо от того, оплатила ли заявитель услуги адвокатов, такие соглашения были действительными с точки зрения Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу «Фадеева против России» (*Fadeyeva v. Russia*), жалоба № 55723/00, пункт 147, ECHR 2005-IV, и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 521).

114. В настоящем деле, принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд считает целесообразным присудить следующие суммы:

- 1 350 евро подлежат уплате на банковский счет Хруновой;
- 1 300 евро подлежат уплате на банковский счет Терехова.

В. Процентная ставка при просрочке платежа

115. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *решил* объединить данные жалобы в одно производство;
2. *признал* жалобы приемлемыми;
3. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 11 Конвенции;
4. *постановил*, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 11;
5. *постановил*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
6. *постановил*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
7. *постановил*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;
8. *постановил*:

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:

(i) 149 евро (сто сорок девять евро) плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве компенсации материального ущерба;

(i) 12 500 (двенадцать тысяч пятьсот евро) плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма, в качестве возмещения морального вреда;

(iii) следующие суммы, плюс любой налог, которым может облагаться заявитель, с данной суммы в качестве компенсации судебных расходов и издержек:

- 1 350 евро (одна тысяча триста пятьдесят евро), подлежащие уплате на банковский счет Хруновой;

- 1 300 евро (одна тысяча триста евро), подлежащие уплате на банковский счет Терехова;

(б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной годовой процентной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;

9. *отклонил* остальную часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление в письменном виде направлено 30 апреля 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Винсент Э. Де Гаетано
Председатель